

Потребление непитьевого алкоголя в России: пример Еврейской автономной области

Устюжанин Вадим Витальевич

vvustiuzhanin@yandex.ru

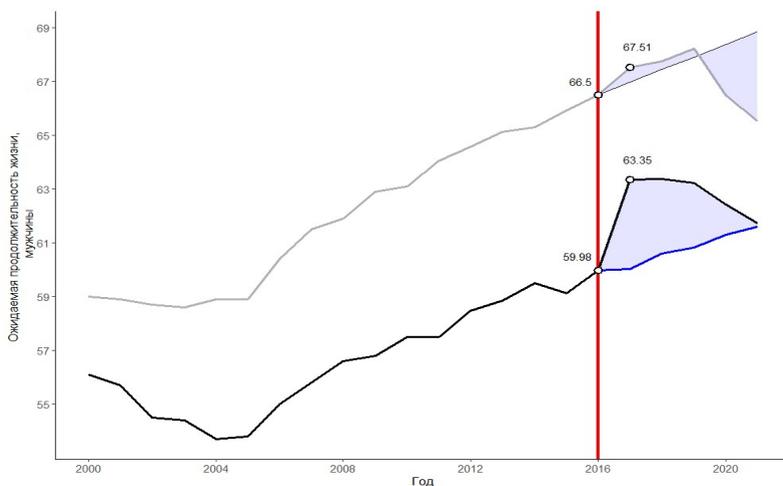
Москва, НИУ ВШЭ

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, на 2016 год порядка 20% всех смертей в России прямо или косвенно приходится на последствия, вызванные потреблением алкоголя (WHO, 2023), который является причиной более чем 200 различных заболеваний, заметная часть из которых обладает высокой летальностью (Rehm et al., 2010). При этом в конце прошлого и в самом начале XXI века смертность в России, относимая на счет алкоголя, для людей в трудоспособном возрасте составляла порядка 50% (Zaridze et al., 2009). Такие высокие показатели и «резкие колебания показателей смертности взрослого населения России с 1984 года беспрецедентны для современных индустриально-развитых стран» (Zaridze et al., 2009, p. 2201) и в основном приходятся именно на счет алкоголя. Резкое снижение продолжительности жизни и сильно нарастающая смертность после 1991 года также во многом носит «алкогольный» характер (Men et al., 2003; Shkolnikov et al., 2001). Об этом же говорит и рекордный рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) после успешной антиалкогольной кампании 2005-2006 гг. (см. Рис. 1).

При этом активно развивается новая опасная тенденция в сфере рискованного потребления алкоголя – потребление непитьевого, суррогатного алкоголя, что было впервые показано на основе анализа микроданных из Ижевска в 2006 году (Leon et al., 2007). При этом повторное исследование потребления суррогатов в этом же месте через 15 лет показало, что даже ужесточение государственной политики в 2016 году, введенное после массового отравления в Иркутске, не имело желаемого результата, а ситуация остается тяжелой (Korotayev et al., 2021). Таким образом, сложившаяся проблема требует дальнейшего

изучения и разработки новых мер со стороны государства в части расширения границ алкогольной политики.

В рамках настоящей работы было проведено полевое исследование потребления непитьевого алкоголя в Еврейской автономной области (ЕАО) в 2022 (лето) среди группы риска. Именно в этом регионе в последние годы наблюдался самый высокий уровень потребления алкоголя на душу населения по данным Росстата, что коррелировало с высоким уровнем смертности среди мужчин и особо низкой ОПЖ у них же. Характерно, что меры по ограничению доступности непитьевого алкоголя 2016 г. привели к рекордно высокому увеличению ОПЖ мужчин в ЕАО, а также к значительному росту на общероссийском уровне, что отклонялось от модельного тренда (см. Рис. 1): за один год ОПЖ у мужчин выросло в ЕАО на 3.37 (!) года, а в России в целом на 1 год.

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин в России (верхняя линия) и ЕАО (нижняя) с трендовыми значениями после 2016 г.

Примечание: тренды получены при помощи ARIMAX модели, учитывающей ВРП на душу и детскую смертность; данные Росстата.

Целью работы является определение биографического портрета потребителя непитьевого алкоголя. В качестве методов

исследования использовалась логистическая регрессия. Всего было опрошено 248 респондентов (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Общее описание респондентов	
<i>Характеристика</i>	<i>N (%)</i>
Число респондентов	248 (100%)
Отказ от опроса	26 (10.48%)
Согласие на опрос	222 (89.52%)
Пол	
Мужчины	186 (83.78%)
Женщины	36 (16.22%)
Возрастные когорты	
14-19	9 (4.05%)
20-29	7 (3.15%)
30-39	36 (16.22%)
40-49	71 (31.98%)
50-69	78 (35.14%)
70+	21 (9.46%)
В браке	115 (51.8%)

Всего из числа опрошенных 95% потребляют алкоголь, а 36% – потребляют суррогатный алкоголь. При этом были выявлены основные биографические паттерны склонности к потреблению непьющего алкоголя. В Таблице 2 представлены результаты логистической регрессии, где потребление суррогатного алкоголя – бинарная зависимая переменная. При этом пол не включен в модель из-за смещенности выборки (см. Табл. 1).

Таблица 2.

Логистическая регрессия по потреблению суррогатного алкоголя

<i>Переменные</i>	<i>OR</i>	<i>z-value</i>	χ^2
Константа	2.44	0.92	–
Возрастная группа [6 групп]	1.18	1.19	9.64
Курение [4 группы]	0.81	-0.05	4.18
Образование [5 групп]	1.03	0.17	4.15

Работающий	0.33**	-2.02	21.87***
Доход [5 групп]	0.70**	-2.14	28.6***
В браке	0.48**	-2.22	12.34***
n	209		
R ² Tjur	0.158		

Примечание: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$; χ^2 получен для каждой переменной в отдельности, p -value рассчитывались при помощи метода Монте-Карло ($B=1000$).

Так, видно, что основное влияние оказывают уровень дохода, семейное положение и наличие постоянной работы. Люди в браке в среднем имеют на 52% меньший риск потребления суррогатов, переход в следующую доходную группу сокращает вероятность попасть в группу рискованных потребителей на 30%, а наличие работы уменьшает риск на 67%. При этом потребление сигарет, образование и возраст не оказывают значимого эффекта, что также показывают значения χ^2 (отмечу, что возраст по χ^2 маргинально значим на уровне ~ 0.125).

- Korotayev, A., Khaltourina, D., Shishkina, A., & Issaev, L. (2021). Non-beverage alcohol consumption in Izhevsk: 15 years later. *Alcohol and Alcoholism*, 56(4), 470–474.
- Leon, D. A., Saburova, L., Tomkins, S., Andreev, E., Kiryanov, N., McKee, M., & Shkolnikov, V. M. (2007). Hazardous alcohol drinking and premature mortality in Russia: A population based case-control study. *The Lancet*, 369(9578), 2001–2009.
- Men, T., Brennan, P., Boffetta, P., & Zaridze, D. (2003). Russian mortality trends for 1991–2001: Analysis by cause and region. *Bmj*, 327(7421), 964.
- Rehm, J., Baliunas, D., Borges, G. L., Graham, K., Irving, H., Kehoe, T., Parry, C. D., Patra, J., Popova, S., & Poznyak, V. (2010). The relation between different dimensions of alcohol consumption and burden of disease: An overview. *Addiction*, 105(5), 817–843.
- Shkolnikov, V., McKee, M., & Leon, D. A. (2001). Changes in life expectancy in Russia in the mid-1990s. *The Lancet*, 357(9260), 917–921.
- WHO. (2023). *Global Health Observatory indicators*. <https://www.who.int/data/gho/data/indicators>
- Zaridze, D., Brennan, P., Boreham, J., Boroda, A., Karpov, R., Lazarev, A., Konobeevskaya, I., Igitov, V., Terechova, T., & Boffetta, P. (2009).

Alcohol and cause-specific mortality in Russia: A retrospective case-control study of 48 557 adult deaths. *The Lancet*, 373(9682), 2201–2214.